

С. Шуйский

ПЕРВОЕ „ПРЕДАТЕЛЬСТВО”*

С 26 июня по 13 июля 1930 года в Москве, в Большом театре, проходил XVI съезд ВКП (б), „съезд развернутого наступления социализма по всему фронту”. В официальной историко-партийной литературе можно прочитать, что к нему партия пришла закаленной в борьбе как против остатков троцкизма, так и против „правого уклона” – главной опасности в тот период; что он прошел под знаком окончательного разоблачения и разгрома идеологии и политики „правых”.¹

Действительно, для внешнего наблюдателя XVI партийный съезд казался убедительным свидетельством наконец-то достигнутого в партии единomyслия: делегаты его единогласно утвердили все резолюции, энергично славили „генеральную линию” и ее „успешное” осуществление „под мудрым руководством ленинского ЦК во главе с тов. Сталиным”, изошренно позорили противников генерального секретаря. На съезде с покаянными речами выступили бывшие лидеры „правого уклона” Рыков, Томский и Угланов.² Правда, Бухарин, вдохновитель и организатор „правооппортунистического” выступления, сославшись на болезнь или на самом деле заболев, на съезде не присутство-

* Отрывок из главы „Великий перелом – Коммунистическая партия в 1929–1932 гг.” Печатается без ведома автора по рукописи ходящей в советском самиздате работы „Альтернативная история Коммунистической партии Советского Союза”. – Ред.

вал и не порадовал его устроителей публичным самоунижением.³ Но это была, пожалуй, их единственная явная и весьма незначительная неудача. Главные же цели ими были достигнуты: съезд одобрил новый, сталинский, политический курс – сверхвысокие темпы индустриализации, насильственную коллективизацию крестьянских хозяйств, ликвидацию „кулачества”, отмену НЭПа и отказ от относительной политической терпимости вообще; подтвердил решение ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП (б) о несовместимости взглядов „правой оппозиции” с принадлежностью к партии большевиков и провел основательную чистку Центрального Комитета и его высших руководящих органов.⁴ Из состава членов ЦК были выведены бухаринцы Котов, Куликов, Угаров, Угланов; в кандидаты из членов ЦК были переведены Догадов, Михайлов, Шмидт; из состава кандидатов были удалены Мельничанский и Рютин. В итоге в числе 71 члена ЦК остались только три бывших „правых” – Бухарин, Рыков и Томский, а среди 67 кандидатов – четыре – Полонский, Догадов, Михайлов, Шмидт. Состоявшийся в последний день работы съезда пленум Центрального Комитета лишил Томского звания члена Политбюро, а Карла Баумана, обвиненного в „левацком загибе”, – кандидата в члены Политбюро. В то же самое время членами Политбюро были избраны верные соратники Сталина Лазарь Каганович, Киров, Станислав Косиор. Невычищенным из Политбюро остался пока лишь один бывший „уклонист” – Рыков. Из Секретариата ЦК был выведен старый большевик Н. А. Кубяк, одно время колебавшийся между Бухариным и Сталиным. Его место занял стопроцентный сталинист Постышев. Радикальные изменения претерпело Оргбюро ЦК, в котором было много бухаринцев, а теперь остались лишь ставленники генерального секретаря (исключение составляли А. П. Смирнов и Догадов, которые были последователями Бухарина, но покинули его одними из первых, что, по-видимому, и было учтено Сталиным, – они не были изгнаны из Оргбюро, но понижены до звания кандидатов в его члены). Таким образом, ЦК и его высшие руководящие органы отныне были почти полностью укомплектованы ветеранами борьбы Сталина против левых и „правых” за власть в 20-х годах.

Казалось бы, что ход и решения XVI съезда ВКП (б) подт-

вердили слова Сталина, произнесенные им еще на первом его заседании в политическом отчете ЦК: „Никто уже не отрицает теперь того неоспоримого факта, что никогда еще не была так сплочена партия вокруг своего ЦК, как теперь. Все вынуждены теперь признать, что партия теперь более, чем когда-либо едина и сплочена, что XVI съезд является одним из немногих съездов нашей партии, где нет больше оформленной и сплоченной оппозиции...”⁵

Однако после XVI партийного съезда пройдет всего лишь несколько месяцев, как станет ясно, что изгнание из ЦК левых и „правых” отнюдь не сделало последний монолитным в своей покорности сталинской клике, что с этих пор во главе новых оппозиционных выступлений встанут те члены партийной элиты, которые раньше активно содействовали приходу Сталина к власти. Первый такой скандал разразится в октябре 1930 года, когда в партийных верхах, включая и сталинский ЦК, будет обнаружен очаг недовольства в лице так называемого „беспринципного двурушнического право-„левацкого” блока, стоящего на платформе правого оппортунизма”.

Сейчас даже историки партии ничего не знают об этом антисталинском выступлении, за исключением, может быть, нескольких узких специалистов. Официальная историко-партийная „наука”, как правило, обходит молчанием эту вспышку внутрипартийных распрей: нет ни слова о ней ни в многотомной „Истории КПСС”, ни в учебнике академика Б. Н. Пономарева и бесчисленных учебных пособиях по партийной истории, ни в подавляющем большинстве монографий, посвященных внутрипартийной борьбе; лишь в редких „исследованиях” есть о ней простое упоминание.⁶ Ценные, но очень скудные и к тому же буквально утопленные в массе пропагандистских измышлений, сведения о выступлении „право- левых” содержатся в брошюрах системы партполитпросвещения, выпущенных вслед за его подавлением, а также в книге М. Г. Гайсинского, вышедшей в свет в 1931 г.⁷ Объективное освещение и в целом верную оценку рассматриваемый нами эпизод политической борьбы получил в фундаментальных трудах американского историка С. Коэна и английского историка Р. Конквеста.⁸ Однако в этих исследованиях оппозиционное выступление второй половины 1930

года проходит именно как эпизод, так как имеет лишь косвенное отношение к их предмету. Поэтому попытка более полного восстановления обстоятельств этого „дела” не является излишней.

Новый — периода 1930—32 гг. — тур антисталинской борьбы открыли известные тогда в партии люди: члены ЦК Сырцов и Ломинадзе, член ЦКК Шацкин. Именно они возглавили „право-„левацкий” блок. Все они до своего „грехопадения” были проверенными сторонниками Сталина. Более того, некоторое время считались даже более последовательными сталинистами, чем сам Сталин. Наиболее влиятельным партийным деятелем и наиболее активным оппозиционером среди них был, несомненно, Сергей Иванович Сырцов.

Сырцов вступил в большевистскую партию в 1913 году, будучи студентом Петербургского политехнического института. В 1916 году он был арестован и сослан в Иркутскую губернию. После свержения царизма в феврале 1917 года вернулся в Петроград, где спустя несколько недель был избран в состав городского комитета РСДРП (б). Но уже в апреле Сырцов был направлен на партию в Ростов-на-Дону. Так в октябрьские дни он руководил действиями большевиков по захвату власти. В ноябре возглавил Донской областной военно-революционный комитет по борьбе с войсками атамана Каледина. В марте 1918 года был назначен наркомом по делам народного хозяйства Донской советской республики. В августе того же года 25-летний Сергей Сырцов стал 1-м секретарем Донбюро РКП (б). В начале 1919 года Красная армия заняла северные и восточные округа Области войска Донского, после чего под властью Сырцова оказалось около 2 млн. человек, в том числе более 1 млн. казаков. Именно под его непосредственным руководством и с благословения Москвы осуществлялась здесь в феврале 1919 года политика так называемого „рассказачивания”. В полном соответствии с требованиями и духом циркулярного письма Оргбюро ЦК партии большевиков от 24 января по Донской области широкой волной прокатились массовые бессудные расстрелы богатых и зажиточных казаков, а также ранее участвовавших в вооруженной борьбе против большевистской власти, да и вообще всех сколько-нибудь подозрительных из казачьей среды. Одно-

временно было организовано переселение на Дон из северных губерний вооруженной крестьянской бедноты, которая щедро наделялась землей, отобранной у разоренных казаков. В казачьи поселения хлынули продотряды, подвергавшие конфискации зерновые запасы, всех лошадей. Началось повсеместное насаждение совхозов. Станицы переименовывались в деревни и села. Даже само слово „казак” с какой-то фанатической целеустремленностью изгонялось из повседневного обихода. Носить казачью одежду запрещалось. Малейшее сопротивление этим мероприятиям новой власти каралось смертью. „Расказачивание” стало первым в послеоктябрьской истории нашей страны опытом геноцида. И не удивительно, что уже в марте все казаки восстали против большевиков как один. Преодолевая невероятные трудности, — ведь приказ Свердлова из Москвы полностью разоружить казачество был с максимальной тщательностью выполнен, — они сумели создать в тылу красной армии, борющейся тогда с Деникиным, 30-тысячное войско. В начале июня белогвардейцы прорвались к восставшим, что весьма заметно укрепило вооруженные силы Деникина и позволило ему перейти в общее наступление по направлению к Москве. Страшное кровопролитие гражданской войны достигло своего апогея.⁹

В феврале 1920 года Сырцов был назначен 1-м секретарем Одесского губкома партии. С приездом его в Одессу в городе тотчас воцарился режим жестокого, даже по меркам гражданской войны, террора.¹⁰ В составе группы делегатов X съезда РКП(б) он участвовал в подавлении Кронштадтского восстания, за что был награжден орденом Красного Знамени.

В двух крупнейших внутрипартийных дискуссиях периода гражданской войны — о Брестском мире в начале 1918 года и о профсоюзах в 1920-21 гг. — Сырцов оказывался в рядах меньшинства: в первой дискуссии поддерживал Бухарина, а во второй — Троцкого.

В 1921 году Сырцов был отозван в Москву, в аппарат ЦК, где получил исключительно важную должность заведующего учетно-распределительным отделом (иными словами, отделом кадров). Здесь он проработал около года под руководством секретаря ЦК Молотова, а затем почти пять лет под началом генерального секретаря ЦК Сталина. В это время он успешно

помогал последнему в его борьбе против левых. В 1926 году по сталинской рекомендации Сырцов возглавил Сибирскую партийную организацию. Именно на этом посту его застал раскол сталинско-бухаринской коалиции. Он незамедлительно включился в борьбу против „правых” и быстро зарекомендовал себя ярким антибухаринцем. Не случайно поэтому, что как раз в Сибири, подвластной Сырцову, Сталин впервые — в январе и феврале 1928 года — в полном объеме применил „чрезвычайные меры” для ускорения хлебозаготовок. Этот первый опыт решительного использования „чрезвычайных мер” получил тогда название „уральско-сибирского метода хлебозаготовок” и стал примером для парторганизаций всей страны. За немалые его заслуги в борьбе против „правых”, за его многолетнюю преданность, Сталин выдвинул Сырцова в мае 1929 года на пост председателя СНК (правительства) РСФСР вместо Рыкова, а в июне того же года сделал даже кандидатом в члены Политбюро ЦК партии.

Однако, как показали дальнейшие события, хотя Сырцов и был долгое время правоверным сталинистом, но был идейным сталинистом, отнюдь не политическим. Он поддерживал Сталина до тех пор, пока видел в нем уверенного (в отличие от Бухарина) и трезвомыслящего (в отличие от Троцкого) государственного деятеля, а в его курсе наиболее эффективный путь решения тех проблем, которые встали тогда перед страной. Иного рода были взаимоотношения между Сталиным, с одной стороны, и Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Андреевым и т. п., с другой. Последние, т. е. сталинисты политические, не имели собственных идей, не были ими скованы. Для них единственно значимыми идеями были указания „хозяина”, а главной интеллектуальной программой являлось политическое выживание. Марксистский же политический словарь был для них всего лишь охранной грамотой, позволяющей сохранить занимаемый пост, а со временем получить и более высокий. Из борющихся в 20-х годах партийных вождей такие люди избрали своим хозяином Сталина, в отличие от Сырцова, потому что увидели в нем сильнейшую политическую фигуру.

Поддержав во внутрипартийной борьбе 1928-29 гг. Сталина, Сырцов проголосовал отнюдь не за то, что Бухарин с пол-

ным правом называл „политикой авантюристов”, но, скорее, за более решительный экономический курс, чем бухаринский, за перевес централизованного планирования над рыночным регулированием, за ускоренную индустриализацию и постепенную коллективизацию сельского хозяйства. Тот курс, за который он отдал свой голос, не предусматривал событий, последовавших спустя несколько месяцев, — головоломной индустриализации, насильственной сплошной коллективизации, „раскулачивания” и окончания НЭПа. Естественно, что когда негативные последствия сталинского курса приобрели очертания социально-экономической катастрофы, а диктаторские намерения Сталина стали достаточно явными, тогда Сырцов позволил себе открыто сомневаться в правильности новой политической линии, в добродетелях и способностях генерального секретаря.

Первые признаки неуверенности Сырцова в продуманности сталинских действий обнаружили еще осенью 1929 года. В своем выступлении на ноябрьском (1929 года) пленуме ЦК он в осторожной форме выразил тревогу относительно стремления приближенных Сталина ускорить во что бы то ни стало и без того чрезвычайно высокие темпы коллективизации сельского хозяйства, обратил внимание партийной элиты на факты грубых злоупотреблений властью, нарушений революционной законности и администрирования.¹¹ Сталин никак не отреагировал на это критическое выступление, но его старый соратник и испытанный рупор Молотов в своей речи объявил любые разговоры о трудностях коллективизации „правооппортунистическими” и призвал резко ускорить ее темпы.¹²

Сомнения Сырцова основательно упрочились под впечатлением событий января—марта 1930 года, когда потерпели крах сталинские планы осуществления сплошной коллективизации сельского хозяйства в основных районах страны до посевной кампании, когда правительство развязало фактически самую настоящую войну против 125-миллионного крестьянства, и таким образом подтвердились предсказания „правых” о глубокой порочности сталинской политики. Этот рост сомнений Сырцова нашел отражение в весьма резких оценках текущей экономической политики в его брошюре „О наших успехах, недостатках и задачах”, которая увидела свет весной 1930

года.¹³

На XVI съезде ВКП(б) Сырцов выступил с большой речью, в которой обстоятельно проанализировал итоги первых лет пятилетки. Отметив, что в хозяйственном строительстве возникли серьезные диспропорции — между тяжелой и легкой промышленностью, между промышленностью и сельским хозяйством, между количеством и качеством продукции, он предупредил: „Эти диспропорции не угрожают строительству, если мы их ясно видим, осязаем, владеем ими, своей сознательной, регулирующей плановой деятельностью кладем необходимый предел их развитию, не допускаем известных обострений и тем более перехода грани, когда наличие обостряющихся диспропорций грозило бы некоторыми кризисными явлениями для нашего народного хозяйства”.¹⁴ Особенно настойчиво внушал он партийным руководителям „с величайшим вниманием следить за возможными временными обострениями” диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством”, „предпринимаемая своевременно необходимые мероприятия, хозяйственные маневры”.¹⁵

Однако призыв Сырцова к умеренности и обеспечению более пропорционального экономического развития оказался гласом вопиющего в пустыне. XVI съезд признал многие задания первого пятилетнего плана „консервативными” и резко увеличил их. Так, было решено увеличить задания по выплавке чугуна с 10 до 17 млн. тонн, по производству тракторов с 55 до 170 тыс. штук, автомобилей со 100 до 200 тыс. штук, комбайнов до 40 тыс. штук (пятилетним планом их производство вообще не намечалось). В два раза были повышены задания по цветной металлургии и сельскохозяйственному машиностроению.¹⁶ Исходя из решений съезда, в августе 1930 года было запланировано добыть в последнем году пятилетки 140 млн. тонн угля¹⁷ вместо 75 млн. тонн по первоначальному заданию.¹⁸ Известно, что новый вариант первого пятилетнего плана не был выполнен. В последнем году пятилетки металлургии выплавляли только 6 млн. тонн чугуна, шахтеры добыли всего лишь 64,6 млн. тонн угля, а машиностроители собрали 50 тыс. тракторов, 24 тыс. автомобилей и т. д.¹⁹ Ничем не обоснованное, совершенно авантюристическое увеличение показателей и без того оторванного от

реальности пятилетнего плана привело к небывалому перенапряжению сил народа, глубокому падению его жизненного уровня, неисчислимым материально-финансовым потерям, поражающей воображение дезорганизацией экономической жизни.

По всей видимости, Сырцов был весьма удручен итогами работы съезда. Его надежда на благоразумие партийной верхушки, хотя бы минимальное, рухнула и он решился на оппозиционный шаг — вскоре после съезда обсудил в частных беседах со своими друзьями сложившееся в экономике „катастрофическое положение” и, заручившись их поддержкой, начал убеждать высокопоставленных партийцев прекратить насильственную коллективизацию и сократить капитальные вложения в тяжелую промышленность. Тогда же он установил связь и с группой так называемых „левых”, во главе которой стояли член ЦК ВКП (б), 1-й секретарь Закавказского крайкома партии В. В. Ломинадзе и член Центральной Контрольной Комиссии, один из основателей комсомола Л. А. Шацкий.

Ломинадзе и Шацкий были сталинскими протеже с начала 20-х гг. В конце же их они возглавляли группу радикально настроенных противников Бухарина, которую тогда именовали „группой молодых сталинских левых”. Примерно за год до описываемых событий, летом 1929 года, ведущие члены этой группы выступили с такими публичными заявлениями, которые в определенной мере могут объяснить их последующее разочарование в Сталине и его политике. 18 июня 1929 года в „Комсомольской правде” была опубликована статья Л. Шацкого „Долой партийного обывателя”, в которой отмечалось наличие в партии „политического болота”. Автор статьи подчеркнул, что оно уже превратилось в значительную силу, и предостерегал, что оно может в скором времени составить в партии даже большинство и сыграть такую же роль, какую сыграло „политическое болото” в период Великой французской революции, когда помогло торжеству реакции. В большевистской партии „болото” приобрело не менее грозную силу во многом благодаря терпимости, проявлявшейся к нему со стороны „стратегов”, т. е. партийных вождей. „Мало того, — возмущался Шацкий, — все чаще приходится слышать мнение, что ввиду главной опасности настоящего момента — правой опасности — не следует отказы-

ваться от содействия в борьбе с ней со стороны „политического болота”. Хотя имя Сталина здесь не прозвучало, было ясно, что в стремлении блокироваться с „болотом”, иначе говоря, с партийными обывателями, обвинялся именно он и что примечательно, обвинялся сталинистом. Затем в статье Шацкого был весьма метко изображен типичный партийный обыватель, а отныне к тому же еще и солдат политической армии Сталина. Партийный обыватель — это „коммунист, зараженный микробом идейной трусливости”, это коммунист, главный лозунг которого — „ни в коем случае не ошибаться”. Всякое проявление идейной жизни или борьбу внутри партии, даже в пределах ее генеральной линии, он воспринимает как неприличную выходку”. Если все в основном соглашается с генеральной линией, то не зачем спорить о частностях. Основной мотив дисциплинированности партийного обывателя — личная корысть. „Голосование за партийное решение, против какой-либо оппозиции, он считает своей заслугой, которая должна ему доставить или сохранить чин и почет и прикрыть все его вольные и невольные прегрешения”. Аналогичные идеи развивались и в статье Я. Э. Стэна „Выше коммунистическое знамя марксизма-ленинизма”.²⁰ Ее автор предлагал всем комсомольцам проверять генеральную линию партии на личном опыте. „Каждый комсомолец должен на своем опыте прорабатывать серьезно все вопросы и таким путем убеждаться в правильности генеральной линии партии. Только такая убежденность, приобретенная на своем собственном опыте путем самостоятельного продумывания всех основных вопросов, может иметь вес и ударную силу в практической деятельности. Без этого условия практическая деятельность превращается в „службу”, в „чиновничье” отношение к социалистическому строительству”. Значение такого требования — проверять на личном опыте линию партии — возрастает в связи с тем, что основные партийные кадры все более пренебрежительно и даже неприязненно относятся к теории, к ее развитию, им свойственно „ожирение теоретической мысли”. Естественно, что, защищая право коммунистов и комсомольцев на сомнение, на полнокровную идейную жизнь, выступая против роста влияния партобывателей, против бюрократизации партии и комсомола, „молодые сталинские левые” рано или поздно должны были признать пра-

воту Бухарина во многих вопросах. Они рано или поздно должны были на личном опыте убедиться в том, что „революционность” Сталина — всего лишь иллюзия, за которой скрывается лютая ненависть к разуму, свободе, социальной справедливости. Такое прозрение у них наступит довольно рано — уже через год они порвут со Сталиным.

Итак, после московских переговоров летом 1930 года группы Сырцова и Ломинадзе начали согласованную, на основе общей политической платформы, которая в основном совпадала с позицией их недавнего противника Бухарина, подготовку к открытому антисталинскому выступлению. При этом Сырцов рассчитывал на активную поддержку со стороны ряда высокопоставленных работников Совнаркома РСФСР и ЦК ВКП(б), а также руководства Западно-Сибирской партийной организации. Наиболее же близкими его сторонниками были член партии с 1917 года, заведующий сектором ЦК ВКП(б) В. А. Каврайский, один из руководителей Западной Сибири, член партии с 1919 года И. С. Нусинов, ответственные советские работники В. А. Курц, Гальперин. Ломинадзе имел много последователей в верхнем эшелоне Закавказской партийной организации. Шацкин заручился поддержкой некоторых комсомольских руководителей, в частности, члена ЦК ВЛКСМ А. С. Кострова. Среди сочувствовавших оппозиционерам были бывший генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ, кандидат в члены ЦК партии Н. П. Чаплин, старый большевик, кандидат в члены ЦК Л. И. Картвелишвили.

30 августа 1930 года на объединенном заседании СНК и ЭКОСО РСФСР Сырцовым была произнесена речь, которая почти сразу же стала рассматриваться и друзьями и врагами в качестве идейной платформы оппозиции. Отпечатанная в количестве 10 тыс. экземпляров в виде брошюры и разосланная во многие партийные и государственные организации и учреждения страны, она стала широко известна.²¹ Основными ее положениями были следующие: в экономике царит хаос, особенно тяжелое положение сложилось в сельском хозяйстве, а в животноводстве ситуация — просто катастрофическая. Коренная причина этих прорывов заключается не в обострении классовой борьбы, как утверждают газеты и партийные пропагандисты, а в неумении руководства правильно работать, в отсутствии научно-обоснован-

ного экономического предвидения.

Сталинское руководство работает „рывками”, „толчками”, без всякого предварительного обдумывания мероприятий. „Организационная бесположность” и „бюрократическая суетня” — вот главные черты руководящей работы в последнее время. Для предотвращения надвигающегося общенационального кризиса необходимо радикально оздоровить атмосферу в партийных верхах и изменить стиль их работы: „повысить известным образом контроль партии над руководством, ликвидировать его замкнутость”, а если потребуются, отстранить от власти „руководящую группу Сталина”.²²

В результате полного отсутствия экономического предвидения „мы самотеком и довольно слепо и неорганизованно въехали в область таких явлений, которые сейчас являются предметом тревожного обсуждения всей страны и, в частности, достаточно интенсивно, хотя и неправильно, обсуждаются в очередях”. „Очевидно, необходимо не разбрасываться, сузить фронт строительства, сконцентрировать усилия на главном, на первоочередном. А из этого вытекает, что нужно отнестись с величайшей осторожностью к чересчур широким заявкам на будущий год”.²³

В самой системе советской власти господствует „жесточайший бюрократизм, разъедающий работу во всех отраслях, ограничивающий размах творческих сил рабочего класса”.²⁴ „Чуть ли не каждая положительная творческая идея рабочего класса обязательно через некоторое время получает в порядке какого-то автоматизма извращение, расхолаживающее рабочие массы”.²⁵ „Бюрократическая гниль” заложена в самом фундаменте советской системы. „Не случайно поэтому, что иногда у нас сама борьба с бюрократизмом превращается в добавочный фактор бюрократизма”.²⁶

Казенным оптимизмом охвачены ныне не только административные и хозяйственные работники, заражаются им и рабочие массы. Выразительным примером такого оптимизма, основанного на очковитерательстве, является сообщение центральной печати о том, что Сталинградский тракторный завод пуцен раньше установленного срока и что им выпущен к XVI съезду ВКП(б) первый трактор. Этот тракторный макет стоит любой

потемкинской деревни. Если потемкинской деревней надо было кому-то угождать, то я не знаю, на что рассчитывали администрация и общественные организации, когда они шли на такую фальсификацию, на обман общественного мнения рабочих масс”.

Колхозы порождают „производственную апатию и производственный нигилизм”. Несмотря на то, что у значительной части крестьянства резко ослабли стимулы к труду, газет захлебываясь от восторга, пишут о величайшем трудовом энтузиазме колхозного крестьянства в год „великого перелома”.

Партийные, советские, хозяйственные и кооперативные органы пользуются всячески поразительной нетребовательностью рабочих и ставят их в положение, худшее даже по сравнению с положением свиней. Однако существующая в СССР „централизация” и „плановость” приводят сейчас к тому, что не только люди, но и свиньи во многих местах поставлены в очередь за кормом, а свиньи в этом отношении гораздо более требовательны”.²⁸

В сентябре 1930 года с публичной критикой сталинской политики выступил и Ломинадзе. В „Обращении Закавказского крайкома ВКП(б)” он заявил: „Вопиющий бюрократизм, безответственность, отрыв от масс, барско-феодалное отношение к нуждам и интересам рабочих и крестьян, игнорирование и нарушение директив партии и махровый оппортунизм царят еще во многих наших советских учреждениях”.²⁹ В том же обращении говорилось: „В обстановке обостренной классовой борьбы, в сложных политических и экономических условиях многонационального Закавказья *бюрократизм и оппортунизм в нашем государственном аппарате являются оружием в руках классового врага, преградой на путях борьбы за социализм*”.³⁰ Далее Ломинадзе резко обвинил и партийные организации в пассивности и равнодушии к вопросам, связанным с улучшением материального положения рабочих. „Этот план (план повышения реальной заработной платы. — С. Ш.) невыполнен не вследствие объективных затруднений, а на девять десятых благодаря преступному бюрократизму в работе снабженческих... и кооперативных организаций, благодаря бездействию в области улучшения рабоче-

го снабжения и быта со стороны значительной части наших хозяйственных и профсоюзных работников... и, наконец, благодаря нетерпимому равнодушию и пассивности ряда партийных организаций к вопросам рабочего снабжения”.³¹

„Чудовищный бюрократизм”, по словам Ломинадзе, подавил, подчинил себе все проявления политической жизни страны. Очковтирательство, фальшь и фальсификация вытеснили инициативу и трудовой порыв у хозяйственников и рабочих. Поэтому одной из важнейших задач партии стало разоблачение обмана в социалистическом соревновании, разоблачение „лжеударничества”.³²

Для Сталина открытое оппозиционное выступление его недавних последователей Сырцова, Ломинадзе и Шацкина явилось неприятной неожиданностью. Тем не менее, ему удалось сравнительно легко и быстро добиться их осуждения. Каврайский, Нусинов, Курц, Костров, Резник и другие оппозиционеры, не входившие в высшие партийные органы, решением ЦКК были исключены из рядов ВКП(б).³³ В ноябре 1930 года с поста председателя СНК РСФСР был смещен Сырцов, а с поста 1-го секретаря Закавказского крайкома партии — Ломинадзе. В декабре дело о „право„левацком” блоке рассматривалось на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Пленум признал, что, говоря о непосильных темпах индустриализации и неэффективности коллективизации, считая курс партии гибельным и делая ставку на частный рынок, блок „отражал кулацкие настроения”. 1 декабря Сырцов и Ломинадзе были исключены из ЦК, а Шацкин — из ЦКК партии.³⁴

Воспользовавшись „делом Сырцова—Ломинадзе”, Сталин провел через пленум резолюцию, в которой говорилось: „В период развернутого наступления социализма партия особенно не может мириться с правооппортунистической практикой в руководстве советскими органами, которая... на деле означает саботирование, а иногда и прямой срыв важнейших директив партии. Поэтому в настоящих условиях не может быть места правым оппортунистам и беспринципным примиренцам в руководящих органах Советов”.³⁵ Это решение заметно стимулировало проходившую тогда генеральную чистку советского и государственного аппарата, из которого в обязательном порядке удалялись

участники былых оппозиций. И показывая парторганизациям пример, пленум вывел Рыкова из Политбюро ЦК, а Президиум ЦИК СССР освободил его от обязанностей главы советского правительства. Новым председателем СНК и СТО СССР был назначен Молотов. Место же Рыкова в Политбюро занял еще один сталинист — Орджоникидзе. С этого момента по своему составу Политбюро стало чисто сталинским — в нем не было ни одного члена или кандидата в члены, кто бы участвовал раньше в каких-либо антисталинских акциях.

Выступление Сырцова—Ломинадзе вряд ли имело какие-либо шансы на успех. Его значение заключается в том, что оно показало Сталину нереальность надежд покорить партию вообще, ее верхи в частности, обычными политическими методами. Последующие события — „дело Рютина”, „разоблачение” антисталинской группы А. П. Смирнова, Эйсмонта, Толмачева и сопротивление большинства членов Политбюро сталинскому намерению их казнить — окончательно убедили генерального секретаря ЦК ВКП (б) в необходимости воспользоваться для установления личной диктатуры в партии чисто уголовными методами и в максимально широких масштабах.

Примечания

1. „История Коммунистической партии Советского Союза”, т. 4, кн. 2. М., 1971, с. 83; Ваганов Ф. М. „Правый уклон в ВКП (б) и его разгром (1928—1930 гг.)”. Изд. 2-е. М., 1977, с. 296.
2. “XVI съезд ВКП (б). Стенографический отчет”. М.—Л., 1931, с. 130—132, 142—154.
3. Там же, с. 326.
4. Там же, с. 711—716; об изменениях в составе ЦК см.: „Советская историческая энциклопедия”, т. 7, с. 705—707; об изменениях в составе Политбюро ЦК см.: „СИЭ”, т. 11, с. 273; об изменениях в составе Секретариата ЦК см.: „СИЭ”, т. 12, с. 699; об изменениях в составе Оргбюро ЦК см.: „СИЭ”, т. 10, с. 593.
5. “XVI съезд ВКП (б). Стенографический отчет”, с. 57.
6. Дмитренко С. Л. „Борьба КПСС за единство своих рядов (окт. 1917—1937 гг.)”. М., 1976, с. 300—302; Титов А. Г., Смирнов А. М., Шалагин К. Д. „Борьба Коммунистической партии с антиленинскими группами и течениями в послеоктябрьский период. 1917—1934 гг.” М., 1974, с. 313.
7. „За генеральную линию партии против блока право-„левых” оппортунистов”. Иваново—Вознесенск, 1930; „Против двурушничества. Об одной антипартийной вылазке право-„левого” блока”. Новосибирск, 1930; Гайсинский М. „Борьба с уклонами от генеральной линии партии. Исторический очерк внутривнутрипартийной борьбы послеоктябрьского периода”. Изд. 2-е. М.—Л., 1931.
8. Козн С. „Бухарин и большевистская революция. Политическая биография 1888—1938”. 1980, с. 355; Конквест Р. „Большой террор”. Перевод с англ. Л. Владимирова. 1974, с. 67—68.
9. О Сырцове см.: „Большая Советская Энциклопедия”, 3-е изд., т. 25, с. 141; „Гражданская война и военная интервенция в СССР.

Энциклопедия". М., 1983, с. 575; Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 51, с. 117, 523, т. 52, с. 119–120, 505; о роли Сырцова в „рассказывании” см.: „Очерки истории партийных организаций Дона. 1898–1920”, ч. 1. Ростов-на-Дону, 1973, с. 473, 479; Спириин Л. М. „Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.)”. М., 1968, с. 324.

10. Впечатляющее описание этих событий оставил в своих воспоминаниях „Окаянные дни” И. А. Бунин.

11. Вылцан М. А., Ивницкий Н. А., Поляков Ю. А. „Некоторые проблемы истории коллективизации в СССР”. — „Вопросы истории”, 1965, № 3, с. 5.

12. „Большевик”, 1929, № 22, с. 12–13.

13. Сырцов С. И. „О наших успехах, недостатках и задачах”. М., 1930.

14. “XVI съезд ВКП (б). Стенографический отчет”, с. 222.

15. Там же.

16. Там же, с. 49.

17. Кузьмин В. И. „В борьбе за социалистическую реконструкцию. 1926–1937”. М., 1976, с. 134.

18. „История социалистической экономики СССР”, т. III. М., 1977, с. 19.

19. „Индустриализация СССР. 1929–1932 гг. Документы и материалы”. М., 1970, с. 342–344.

20. „Комсомольская правда”, 1929, 26 июля.

21. Гайсинский М. Указ. соч., с. 274.

22. Сырцов С. И. „К новому хозяйственному году”. М., 1930, с. 4, 6.

23. Там же, с. 21.

24. Там же, с. 7.

25. Там же, с. 8.

26. Там же, с. 9.

27. Там же, с. 12.

28. Там же, с. 8, 10, 18.

29. „Обращение Закавказского крайкома ВКП (б)”. Ростов-на-Дону, 1930, с. 21.

30. Там же.

31. Там же, с. 74.

32. Там же, с. 23.

33. Гайсинский М. Указ. соч., с. 275.

34. „Партийное строительство”, 1930, №№ 23–24, с. 66.

После своего поражения и последующего раскаяния ведущие оппозиционеры были направлены на ответственную хозяйственную работу: Сырцова назначили директором Ногинского (под Москвой) военного химического завода, а Ломинадзе — вначале директором строительства, а затем самого Магнитогорского металлургического комбината. Ломинадзе, единственный из участников антисталинского выступления 1930 г., был даже удостоен „чести” выступить с покаянием на XVII съезде партии (1934 г.) Однако, когда после убийства Кирова террор стал распространяться на партию, покончил жизнь самоубийством (в 1935 г.). Все остальные исчезли во время большого террора (на процессах Зиновьева и Бухарина имена Сырцова и Ломинадзе упоминались как имена заговорщиков. „Судебный отчет по делу антисоветского „право-троцкистского блока”, М., 1938, с. 349–350). Сырцов был расстрелян 10 сентября 1937 г. („БСЭ”, 3-е изд., т. 25, с. 141) или в 1938 г. (Ленин В. И. ПСС, т. 51, с. 523, т. 52, с. 505). Шацкий, арестованный еще в 1935 г., был расстрелян 10 января 1937 г. („СИЭ”, т. 16, с. 149).

35. „КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК”, ч. III. М., 1954, с. 91–92.